

АНТИЧНАЯ МИФОЛОГИЯ В ПОЭЗИИ И. А. БУНИНА¹

Н. А. Бородина, Н. А. Трубицина

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

Поступила в редакцию 2 мая 2021 г.

Аннотация: предметом анализа в предлагаемом исследовании являются восходящие к греко-римской мифологии мифологические имена, встреченные в поэтическом наследии И. А. Бунина. Собранные ономастические единицы по отношению к онимосфере общенародного языка были классифицированы на узуальные и индивидуально-авторские, по характеру обозначаемого выделены теонимы, мифоантропонимы, мифоинсулоним, мифохремадоним, мифоэтноним, мифоперсоним и спеллоним. Подробно авторы остановились на мифонимах, формирующих заглавия бунинских стихотворений.
Ключевые слова: И. А. Бунин, поэтическая ономастика, мифонимы, античная мифология.

Abstract: the subject of analysis in the research is mythological names tracing to Greco-Roman mythology, found in the poetic heritage of I. A. Bunin. The collected onomastic units were broken up into two groups (the usual and individual-authorial onyms) in relation to the onymosphere of the common language; were distinguished the theonyms, mythoanthroponyms, mythoinsulonims, mythochrematonims, mythoethnonims, mythopersonims and spellonims according to the nature of signified. The authors concerned the mythonyms that form the titles of I. A. Bunin's poems.

Keywords: I. A. Bunin, poetic onomastics, mythonyms, classical mythology.

Античное историко-культурное наследие являлось и является источником вдохновения для многих художников слова прошлого и настоящего. Неслучайно В. Г. Белинский назвал его «всемирной мастерской, через которую должна пройти всякая поэзия в мире, чтоб научиться быть изящной поэзией» [1, 224]. Огромную роль сыграла эпоха античности в становлении и развитии русской литературы, поэтому без детального изучения восприятия, осмысления и усвоения античных традиций невозможно, по утверждению современного исследователя С. А. Кибальника, «в полной мере оценить национальное своеобразие русской поэзии, представить ее место в истории мировой культуры» [2, 3].

Цель данной работы — проанализировать использование и функционирование мифонимов, взятых из античной мифологии, в лирике И. А. Бунина [3].

В результате сплошной выборки из поэтического наследия лауреата Нобелевской премии по литературе было выявлено 27 неповторяющихся ономастических единиц, восходящих к мифотворчеству древних греков и римлян. Наибольшая их концентрация отмечается в стихотворениях, созданных И. А. Буниным в первое десятилетие XX в., тогда, когда появилась острая необходимость, по словам Н. В. Яблоновской,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Липецкой области в рамках научного проекта № 20-412-480003.

Funding: The research was funded by RFBR and Lipetsk Region, project number 20-412-480003.

с одной стороны, «во вневременном, непреходящем найти объяснение событиям настоящего», а с другой стороны, «пророчествовать о будущем с помощью вечных повторений мирового круговорота, зафиксированных мифом» [4, 153].

По отношению к онимосфере общенародного языка собранные мифонимы разграничиваются на узуальные и противопоставляемые им индивидуально-авторские. В лирике И. А. Бунина первые составляют абсолютное большинство (*Адрастея, Амазонки, Атлантида, Зевес, Океан, Тезей, Улисс, Феб, Цирцея, Эгей* и др.), в то время как вторые встречаются спорадически (*Гость, Державный, Кентавр, Конь Афины-Паллады, Титан*).

Появившиеся в результате онимизации мифонимы *Титан* и *Кентавр* служат у поэта для наименования конкретных персонажей античной мифологии: соответственно *Атланта*, доолимпийского божества, характеризующегося невероятной силой [5, 121], и *Несса*, получеловека-полукося, который отомстил Гераклу за свою гибель, вручив Деянире, жене героя, под видом любовного зелья смертельный яд [6, 213].

Использование контекстуального метода позволяет рассмотреть в качестве синонима к теониму *Морфей* отапельлятивный оним *Гость*. Содержательную структуру имени *Гость* определяет знание И. А. Бунина о внешнем облике бога сновидений (*Морфея* часто изображали в венке из цветков красного мака [7, 206]), о приписываемых ему свойствах (согласно верованиям древних греков, *Морфей*, легко изменяя внешность, принимая разные человеческие формы, является людям во сне [6, 176; 8, 283]), о его месте

проживания (в «Метаморфозах» Овидия в качестве жилища бога сна Гипноса и его сыновей названа пещера, где царят вечные сумерки и полный покой [8, 282]), актуализирующееся в поэтическом тексте: *Прекрасен твой венок из огненного мака, / Мой Гость таинственный, жилец земного мрака. / Как бледен смуглый лик, как долог грустный взор, / Глядящий на меня и кротко и в упор, / Как страшен смертному безгласный час Морфея!* [3, 366].

С целью номинации Зевса, царствующего над богами и смертными, И. А. Бунин употребляет отадъективный мифоним *Державный*, в семантике которого наличествует сема 'верховная власть'. Данное индивидуально-авторское имя вкладывается мастером слова в уста титана Прометея, который выступает в мифах как покровитель и защитник людей, противостоящий суровому и неумолимому верховному божеству [6, 338].

Составной оним *Конь Афины-Паллады*, вынесенный в заглавие, образован в результате трансформации крылатого выражения *троянский конь*. Включение в него двойного имени *Афина-Паллада*, на наш взгляд, не случайно. Оно основано на тесной связи богини с судьбой Трои (Илиона).

Основатель города, Ил, обозначив круг, которой должен был стать границей будущей троянской цитадели, обратился с молитвой к Зевсу, прося явить ему знамение. Таковым стал сброшенный на землю палладий — огромная статуя Афины, держащей в правой руке поднятое копьё, а в левой — веретено и прялку. На месте падения палладия был построен храм, в котором поместили изваяние. Согласно предсказаниям оракула, до тех пор, пока палладий находится в храме, городские стены будут неприступны. Впоследствии, накануне падения Илиона, статуя была похищена.

В Троянской войне Афина выступила на стороне греков-ахейцев, поскольку Парис присудил золотое яблоко не ей, а богине любви Афродите. Именно она подсказала грекам, как проникнуть в хорошо укрепленный и защищенный город. По ее совету был построен огромный деревянный конь, в котором спрятался вооруженный отряд ахейцев, а остальное войско инсценировало возвращение на родину. Троянцы ввели коня в город как дар Афине, а ночью спрятавшиеся внутри коня воины выбрались наружу и открыли городские ворота вернувшимся товарищам [9, 626–628; 6, 528–531].

Таким образом, структурное преобразование устойчивого выражения, окказиональное употребление в качестве мифохрематонома, нахождение его в сильной позиции помогает бунинскому стихотворению, созданному в преддверие исторической катастрофы, звучать как предупреждение о божественном наказании [10, 179].

По характеру обозначаемого анализируемые имена собственные можно классифицировать на не-

сколько разрядов, которые различаются численностью входящих в их состав мифонимов. В поэтических текстах И. А. Бунина преобладают теонимы, номинирующие высших и низших божеств (*Адрастея, Атлант (Титан), Зевес (Державный), Киприда, Морфей (Гость), Нерей, Океан, Океаниды, Посейдон, Прометей, Феб, Эол*), и мифоантропонимы (*Гальциона, Кассандра, Рем, Сибилла, Тезей, Улисс, Эгей*). Другие разряды представлены единичными наименованиями. Это мифоинсулоном *Атлантида*, мифохрематоном *Конь Афины-Паллады*, мифоэтноним *Амазонки*, мифоперсоним *Кентавр* и спеллоном *Цирцея*.

Часть перечисленных выше мифологических имен формируют заглавия бунинских стихотворений. Четыре заглавия дали теонимы (*Атлант, Океаниды, Морфей, Прометей*), два — мифоантропонимы (*Тезей, Гальциона*), по одному — мифохрематоном (*Конь Афины-Паллады*) и спеллоном (*Цирцея*). Находящиеся в сильной позиции текста заглавия лирических произведений определяют их основную тему, являются тем словесным комплексом, «значение которого имплицитно проектируется на содержание всех текстовых уровней и его частей, на его общую, сквозную идею» [11, 63].

Хронологически первым среди античных теонимов в названии бунинских стихотворений фигурируют *Океаниды*.

Три тысячи дочерей титана Океана и его жены Тефиды в греческих легендах и сказаниях выступают как олицетворение водных источников [6, 242]. Они обладают собственными именами и занимают разное положение в мифологической иерархии.

И. А. Бунин использует собирательный образ Океанид, возможно оттого, что число «три тысячи» может интерпретироваться еще и как «бесчисленное множество». Создаваемый образ поэт наделяет собственными индивидуально-авторскими чертами — они смеющиеся и белотелье, их волосы украшены сияющими на солнце золотыми гребнями. Автор вписывает Океанид в морскую стихию как естественную часть природы, наряду с прибрежными скалами, разбивающимися о берег волнами, белой пеной. Их смех — метафора, озвучивающая морской прибой. На наш взгляд, Океаниды своим промежуточным состоянием нимф примиряют человека с грозными силами мирового океана.

В стихотворении «Атлант» также нет пересказа античного мифа. У И. А. Бунина это, скорее всего, эпоним, давший название Атлантическому океану, который, по мифам, на крайнем западе образовывал границу между жизнью и смертью, а также символ могущественной силы, присущей титану, держащему на себе небесный свод. Данное стихотворение, особенно в последних своих строках, раскрывается как прямая проекция бунинского пантеизма: *И, как орел, впервые / Взмахнувший из родимого гнезда / Над ширью Океана, был я счастлив / И упоен твоею*

первозданной / Непостижимой силою, Атлант! / «О да, Титан, я верил, жадно верил» [3, 185].

Т. М. Двинятина, размышляя о множественности и совмещенности интертекстуальных источников в творчестве поэта, отмечает, что «лирика Бунина дает примеры сопряжения совершенно разных и трудно сочетаемых источников» [10, 172]. В этом произведении задающий лирическому герою вопросы («Ты веришь ли в предания, в легенды?»; «Ты веришь ли в Атланта?») «Дух» назван автором прямо — «сатана». Тем самым в поэтический текст вводится мотив искушения, связанный с библейской традицией. Положительный ответ лирического героя объясняется особой линией пантеизма в творчестве И. А. Бунина, «экзистенциальными сомнениями» и «богоборческими настроениями», о которых говорит в одной из своих книг О. А. Бердникова [12, 17–41].

Положенный в название стихотворения теоним *Прометей* имеет уточнение, указывающее на место его пребывания — «в пещере». И. А. Бунин актуализирует миф о непосредственном похищении огня титаном, оставляя за скобками его наказание, освобождение Гераклом и примирение с Зевсом: *Я гложу, я слежу крутящиеся спицы, / Что мечут на бегу свой отблеск золотой, / И слепну от огня. — Привет тебе, Державный! / Теперь тебя твой враг приветствует как равный!* [3, 247].

В этом лирическом произведении на первое место выходит мотив огня (вспомним огонь, отражающийся в глазах собаки; ослепляющие своим блеском колесные спицы в колеснице верховного олимпийца). Зевс, прежде всего, бог, владеющий молниями, т.е. бог стихийного огня. Окультуренный Прометеем огонь позволяет титану общаться с державным Зевсом на равных.

Поэтика сновидений занимает особое место в отечественном литературоведении. Сон, включенный в текст, может выполнять самые разнообразные функции. Стихотворение И. А. Бунина «Морфей» сильной позицией последних строк (*Где нет преград земных моим надеждам вешним, / Где снюсь я сам себе далеком и нездешним, / Где не дивит ничто — ни даже ласки той, / С кем бог нас разделил могильною чертой* [3, 366]) создает аллюзию с более поздним, тоже финальным, описанием в романе «Жизнь Арсеньева»: «Недавно я видел ее во сне — единственный раз за всю свою долгую жизнь без нее. Ей было столько же лет, как тогда, в пору нашей общей жизни и общей молодости, но в лице ее уже была прелесть увядшей красоты. Она была худа, на ней было что-то похожее на траур. Я видел ее смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда» [13, 248]. Образ Морфея в одноименном стихотворении И. А. Бунина помогает автору раскрыть тайну исчезающей любви, не подвластной даже смерти, хотя она и страшит «смертного» лирического героя.

Стихотворение «Тезей», помимо вынесенного в заглавие мифонима *Тезей*, содержит в себе еще мифоперсоним *Кентавр* и мифоантропоним *Эгей*. В этом произведении поэт обращается непосредственно к античной мифологии, причем сразу к двум источникам — мифу о возвращении Тезея с острова Крит после победы над Минотавром и мифу о Геракле, который был случайно отравлен своей женой Деянирой, пропитавшей одежду героя кровью убитого им кентавра Несса. Тезей, опьяненный победой над чудовищем Минотавром, забывает сменить черные паруса на своем корабле на красные, свидетельствующие о том, что он жив. Из-за этого его отец Эгей от горя бросается в море и разбивается о камни.

Из двух античных мифов мастер слова составляет свой индивидуально-авторский миф, почти притчу, о коварстве, тщеславии, безмятежности юности и безутешности родительского горя, которое ему самому пришлось испытать, пережив смерть сына: *Мы в радости доверчивы, как дети. / Нас тешит мирт, пьянит победный лавр. / Один Эгей не спал над морем в звездном свете, / Когда всходил Кентавр* [3, 214].

Стихотворение «Гальциона» представляет собой поэтическое переложение И. А. Буниным античного мифа о дочери Эола Гальционе, муж которой погибает при кораблекрушении. Гальциона находит тело мужа у берега. Убитая горем она бросается со скалы в море и сжалившиеся боги превращают обоих супругов в зимородков (чаек в трактовке И. А. Бунина) [5, 59]. В течение 14 зимних дней — 7 до солнцестояния и 7 после него — Эол смиряет ветры, чтобы Гальциона смогла вывести птенцов.

По наблюдениям Т. М. Двинятиной, очень часто «через бунинские стихи шла прямая, чистая трансляция чужого текста, чужой культуры: в них мифы и цивилизации говорили напрямую с русским читателем» [10, 218]. В данном случае мы присоединяемся к мнению исследователя. Думается, что целью автора здесь было намерение познакомить отечественного читателя с красивой легендой о любви, силе кровных уз, создать своеобразный гимн супружеской верности.

Женским образам в творчестве И. А. Бунина посвящено большое количество работ. Как правило, все они цитируют самого писателя: «То дивное, несказанно-прекрасное, нечто совершенно особенное во всем земном, что есть тело женщины, никогда не написано никем. Да и не только тело. Надо, надо попытаться. Пытался — выходит гадость, пошлость. Надо найти какие-то другие слова» [14, 73].

Суждение И. А. Бунина 1941 года видится нам слишком категоричным. Стихотворение «Цирцея» — пример тонко прочувствованной женской сущности, восходящей к мифу о жившей на острове Эя волшебнице. В нем поэт представляет архетип женского начала, телесного, соблазнительного и неотразимого для мужчин: *И Улисс говорит: «О, Цирцея! / Все пре-*

красно в тебе: и рука, / Что прически коснулась слегка, / И сияющий локоть, и шея!» / А богиня с улыбкой: «Улисс! / Я горжусь лишь плечами своими / Да пушком апельсинным меж ними, / По спине убегающим вниз!» [3, 214].

Обратив свое внимание на мифонимы, образующие заглавия бунинских стихотворений, мы вовсе не умаляем значения и других мифологических онимов, присутствующих в его лирике. Любая отсылка к мифу создает для текста дополнительный культурный ареал, углубляет и расширяет контекст его восприятия, обогащает художественное слово новыми смыслами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Том 7. Статьи и рецензии (1843). Статьи о Пушкине (1843–1846) / В. Г. Белинский. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. — 739 с.
2. Кибальник С. А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX в. / С. А. Кибальник. — Л.: Наука, 1990. — 267 с.
3. Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6-ми т. Т. 1. Стихотворения, 1888–1952; Переводы / И. Бунин. — М.: Художественная литература, 1987. — 687 с.
4. Яблоновская Н. В. Античные мотивы и образы в творчестве И. А. Бунина / Н. В. Яблоновская // Культура народов Причерноморья. — 2001. — № 20. — С. 153–157.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Сов. энциклопедия, 1991. — Т. 1. А — К. — 671 с.

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
 Бородин Н. А., кандидат филологических наук, доцент,
 доцент кафедры русского языка, методики его преподавания
 и документоведения
 E-mail: borodinanadezhda@yandex.ru

*Трубицина Н. А., кандидат филологических наук, доцент,
 доцент кафедры литературоведения и журналистики*
 E-mail: trubicina-nat@mail.ru

6. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Сов. энциклопедия, 1992. — Т. 2. К — Я. — 719 с.

7. Золотницкий Н. Ф. Цвѣты в легендахъ и преданіяхъ / Н. Ф. Золотницкій. — С.- Петербургъ: Изданіе А. Ф. Девриена, 1903. — 320 с.

8. Публий Овидий Назон. Метаморфозы / Овидий // Пер. с латинского С. Шервинского. — М.: Художественная литература, 1977. — 430 с.

9. Лосев А. Ф. Античная мифология с античными комментариями к ней. Энциклопедия олимпийских богов. Собрание первоисточников, статьи и комментарии / А. Ф. Лосев. — Харьков: Фолио; М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 1040 с.

10. Двинятина Т. М. Поэзия И. А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: дис. ... д-ра филол. наук / Т. М. Двинятина. — СПб., 2015. — 437 с.

11. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фоякова. — Л.: ЛГУ, 1990. — 103 с.

12. Бердникова О. А. «Так сладок сердцу Божий мир»: творчество И. А. Бунина в контексте христианской духовной традиции / О. А. Бердникова. — Воронеж: Воронежская областная типография-издательство им. Е. А. Болховитинова, 2009. — 272 с.

13. Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6-ми т. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Темные аллеи; Рассказы 1932–1952 / И. А. Бунин. — М.: Художественная литература, 1988. — 639 с.

14. Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. арх. материалы, под ред. Миллицы Грин; в 3 т. Т. 2. — М.: Посев, 1981. — 319 с.

Yelets State University named after I. A. Bunin
 Borodina N. A., Candidate of Philological Sciences, Associate
 Professor, Associate Professor of the Department of the Russian
 Language, Methods of Its Teaching and Document Science
 E-mail: borodinanadezhda@yandex.ru

*Trubitsina N. A., Candidate of Philological Sciences, Associate
 Professor, Associate Professor of the Department of Literary
 Studies and Journalism*
 E-mail: trubicina-nat@mail.ru